

«ГОВОРЯ НЕНАУЧНО...»:
О ДВУХТОМНИКЕ ИРИНЫ РОДНЯНСКОЙ
«ДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ»

Роднянская И. Б. Движение литературы: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2006. 1230 с.

Издание, о котором пойдет речь, представляет собою наиболее представительное (из имеющихся на сегодня)¹ собрание текстов одного из самых глубоких и интересных аналитиков отечественного литературного процесса.

В кругу читателей и специалистов, следящих за культурной жизнью не по шумным, поверхностным явлениям, И. Б. Роднянская не нуждается в представлении. Ее фундаментальные статьи по теоретико-литературной, социально-философской и культурологической проблематике (некоторые написаны в соавторстве с Р. Гальцевой), ее блистательные разборы произведений классических и современных писателей успели войти в золотой фонд отечественной гуманитарной мысли XX столетия.

В рецензируемом двухтомнике собраны работы, создававшиеся в течение более чем трех десятилетий и отражающие несколько этапов творческой деятельности автора. Самые ранние статьи относятся к 1960-м гг. Большинство текстов — о русской литературе 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. Перед нами своеобразный итог почти полувекового плодотворного и многогранного труда, смысл и характер которого нелегко свести к привычному жанровому обозначению. Каждое из ходовых определений — «литературная критика», «литературоведение», «эссеистика» и т. д. — неизбежно оказывается недостаточным либо неточным.

В открывающей двухтомник «Беседе с автором о профессии» (в роли собеседника выступает другой видный современный филолог — Т. А. Касаткина) И. Роднянская, в частности, говорит о некоторой «искусственности» самого понятия «литературоведение», внедренного в культурный обиход в сталинскую эпоху, и о том, что не видит принципиальной, неодолимой границы между т. н. «научным» литературоведением и литературно-критической деятельностью².

¹ Два предшествующих сборника И. Б. Роднянской: «Художник в поисках истины» (1989) и «Литературное семилетие» (1995).

² *Роднянская И. Б. Движение литературы: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 1. С. 7–9.* Далее все ссылки на это издание даются в тексте рецензии с указанием номеров тома и страниц в круглых скобках.

Автор предпочитает скромно именовать себя «критиком» (максимум — историком литературы), а между тем большинство работ, входящих в сборник, несомненно представляют собою профессиональные исследования высочайшего ранга, замечательный образец *филологической критики*.

«Говоря ненаучно» — эту микроцитату из С. С. Аверинцева И. Роднянская выносит в заглавие своей рецензии на его книгу «Поэты» (цитируемое выражение присутствует в авторском предисловии Аверинцева), являющейся одним из узловых текстов всего двухтомника. Эта «как бы оправдательная оговорка» выдающегося ученого в связи с некоторой неакадемичностью стиля выглядит, по мысли И. Роднянской, почти трогательной в свете того, что «тщательная выверенность микроанализов и надежность культурфилософской подкладки» исключают даже малейший намек на произвольность звучащих в работе обобщений и выводов (т. 2, с. 420). Следует признать: гармоничное сочетание интонационной раскованности и безупречной логической основательности отличает и все лучшие статьи И. Роднянской.

В контексте размышлений о нелегком труде квалифицированного читателя и аналитика выдвигается тезис о том, что «ядро» и «сердце» данного «рода занятий» (как его ни называй) — это «герменевтика и экзегеза художественного произведения». И. Роднянская исходит из убеждения, что «состоятельное произведение искусства многозначно, но не сколь угодно значно...». «Произволу прочтения» исследовательница противопоставляет «дисциплину прочтения», когда интерпретатор, толкуя текст, старается «конгениально автору выявлять его акцентуацию, а не заменять ее сходом своей собственной» (т. 1, с. 8–9). (В завершающей 2-й том короткой заметке «Вместо послесловия» И. Роднянская скажет о всем своем творческом пути, что «главный нерв написанного» — стремление выявить, показать, «как через пластическую фактуру вещи дает о себе знать духовная мотивация художника» (т. 2, с. 497).)

Теперь несколько слов о составе и композиции двухтомника. В первой части 1-го тома («От Пушкина и Гоголя до Платонова и Заболоцкого») предметом осмысления становится творчество писателей XIX — первой половины XX в. Сюда вошли успешные статьи классическими работы о Пушкине, Лермонтове, Достоевском, Блоке, Платонове («Демон ускользающий», «Трагическая муза Блока», «Сердечная озадаченность» и др.). Этот раздел задает исходный контекст и общую «систему координат» для следующих за ним рассмотрений, которые посвящены литературному процессу второй половины XX в. и начала нынешнего. Часть вторая («О движении современной прозы») открывается концептуальной статьей «О беллетристике и “строгом” искусстве», где подвергается сомнению расхожий стереотип, согласно которому «облегченная» беллетристика создается для читательского большинства, тогда как «истинное искусство» — для немногих (что, в сущности, означает отождествление подлинного искусства с «элитарным»). «Беллетристика, — возражает автор, — делится на множество категорий, и каждая из них пользуется спросом в более или менее узкой читательской среде». «Только подлинно художественная литература, — уверена И. Роднянская, — единственный род чтения для всех... рассчитывающий в каждом найти потенциального читателя» (т. 1, с. 379). Разницу между «легким чтением» и

истинной поэзией слова исследовательница видит совсем в другом. Беллетрист, по ее мнению, — это тот, кто «сохраняет со своим читателем чудесные отношения», в то время как настоящий художник, наоборот, никогда не идет на поводу у инертного потребителя, не потакает запросам публики (т. 1, с. 380). Причем «умный читатель», убеждена автор статьи, т. е. тот, кто понимает, что перед ним явление искусства, «никогда не станет просить пощады» (с. 381—382). Здесь, по словам И. Роднянской, имеют место «эстетические переживания разных порядков. Первые заключаются в радости, которую доставляет нам беллетрист, верно угадывая наши читательские “замыслы”», «невинные желания слабохарактерного читателя», тогда как «вторые состоят в постижении... мысли писателя» (с. 380—382). «Цель воспитания вкуса... в том, — полагает исследовательница, — чтобы научить ценить переживания второго рода выше первых...» (с. 382—383).

Далее следуют несколько работ, объединенных общим подзаголовком «Между» (подразделы с таким заглавием встроены в разные части рецензируемого собрания; в части 5, к примеру, такой подраздел объединяет тексты междисциплинарной — эстетико-теологической и культурологической направленности). В них автор размышляет о «переходном» характере современной словесности, обращая внимание среди прочего на утрату ею и, соответственно, общественным сознанием традиционной «литературоцентричности», всегда имевшей сакральный подтекст и подразумевавшей для русского писателя необходимость *служения* и *подвига*. Неожиданным, но в сущности закономерным следствием такой утраты, считает И. Роднянская, стала духовно-творческая скука, которую не в силах развеять никакие постмодернистские эксперименты. Знаменателен в этом отношении эпиграф к статье «Гипсовый ветер: О философской интоксикации в текущей словесности» — восклицание Ивана Карамазова, обращенное к посетившему его черту: «...мне скучно с тобою, невыносимо и мучительно!» Новые романы, по словам автора статьи, «источают ту самую мистическую скуку... которую испытывал Иван Федорович в присутствии своего ночного гостя» (с. 461). Задавшись вопросом, «отказался ли сегодняшний писатель от... “слишком высокой чести”» (имеется в виду *пророческий* статус художника), и констатируя тот факт, что «сейчас как будто проповедуется писательская “беспосланность”», И. Роднянская пронизательно замечает: «Между тем ироническое и надрывно-вызывающее отречение от учительства не есть ли то же самое учительство навыворот?» (с. 454).

Далее идет ряд статей, объединенных подзаголовком «Персоналии» и охватывающих в едином исследовательском дискурсе как видных мэтров и «современных классиков» (А. Солженицын, А. Битов, В. Маканин), так и сравнительно новые имена (Б. Екимов, О. Ермаков, Е. Гришковец). Здесь воистину впечатляет обширный диапазон интересов автора сборника (от общепризнанных образцов до самых «злободневных» явлений литературной повседневности), и в особенности умение сопрягать «далековатые» феномены, устанавливать концептуальную связь, ставить малое и частное в контекст всеобщего и универсального.

Часть третья двухтомника (она же первая во 2-м томе) — «О движении современной поэзии» — содержит обзор наиболее значительных поэтических явлений в России в период с конца 1960-х и по наши дни (от Б. Ахмадулиной,

А. Кушнера и О. Чухонцева до Олеси Николаевой), а также детальный анализ некоторых наиболее интересных текстов. Особо отметим, что не пренебрегает критик и творчеством таких специфичных современных авторов, как Д. Быков и В. Леонович.

Часть четвертая рецензируемого собрания — «Идеологический роман» направлена на несколько иной материал, но в каком-то смысле продолжает (и углубляет) проблематику предыдущих разделов. Центральное положение здесь занимает написанная в соавторстве с Р. Гальцевой статья «Помеха — человек: Опыт века в зеркале антиутопий», где воспроизводится ряд основополагающих концептуальных формул, дающих возможность увидеть культурно-философское мирозерцание автора как целостное единство. В частности, статья «Ловцы продвинутых человек (Хольм ван Зайчик)» своеобразно развивает ключевые мыслительные линии статьи «...О философской интоксикации в текущей словесности» и позволяет в достаточной мере оценить характер аксиологических и эстетических претензий исследовательницы к ультрапостмодернистскому сегменту современной отечественной литературы. Отраднo, однако, что отношение здесь не сводится исключительно к «претензиям». И в этом плане особый интерес представляют две статьи о творчестве В. Пелевина, в которых И. Роднянская, бережно и тонко анализируя тексты, убедительно аргументирует свою (довольно смелую, с учетом ценностных предпочтений ученого) мысль о высочайшем поэтико-эстетическом качестве пелевинского письма, вступающем в любопытное противоречие с прямолинейностью идейных схем автора «Хрустального мира» и «Чапаева и Пустоты».

Часть пятая «Филология и филологи» включает в себя (в подразделе «Между») чрезвычайно насыщенные в смысловом отношении междисциплинарные исследования «Христианство и культура» и «Светская и религиозная гуманитарная мысль в аспекте словесности», а открывается несколько неожиданной в критико-литературоведческом сборнике, но глубоко органичной в едином смысловом контексте двухтомника статьей «Язык православного богослужения как препятствие к раскультированию современной России». Там же, в пятой части двухтомника (в подразделе «Персоналии»), помещены блистательные и остро полемичные по отношению к современному филологическому сциентизму рецензии на книги «Поэты» С. С. Аверинцева и «Сюжеты русской литературы» С. Г. Бочарова. «Какова бы ни была четкость всех этих познавательных экскурсов, — пишет об аверинцевском труде И. Роднянская, — не научная методология, а экзистенциальный заряд ведет за собою изложение. Для корпорации наукопоклонников это, конечно, самое настоящее предательство...» (т. 2, с. 422). Перечисляя опорные, ключевые для Аверинцева понятия-концепты («судьба», «весть», «осанка», «жертва», «честь», «поэтическая вера» и т. д.), исследовательница иронически замечает: «Несовместимость этих слов... с миром положительной науки — скандальна». Однако, по ее глубокому убеждению, у Аверинцева «эти неопределимые константы покоятся на фундаменте... жизненной сути, постигнутой в ходе долговременной духовной работы, — и потому образуют как бы связную кристаллическую решетку» (с. 424). Этим мыслям и наблюдениям во многом созвучны основные положения рецензии на фундаментальный труд С. Г. Бочарова.

«Книга Бочарова — как и книга... Валентина Непомнящего “Пушкин. Русская картина мира”, — полагает рецензент, — это прорыв так называемого традиционного литературоведения сквозь заслон новейших исследовательских технологий... это торжество человекообразной гуманитарии (в соответствии с этимологией латинского слова) над гуманитарией бабы Яги, которая не худо чует человеческий дух, но с тем, чтобы его истребить» (с. 433).

Существенным, на наш взгляд, достоинством рецензируемого труда является то, что христианский «вектор» в суждениях и оценках автора не заявлен назойливо-прямолинейно, эксплицитно, но образует устойчивый ценностный фон, незыблемую систему мыслительных координат. Исследовательница крайне редко касается непосредственно религиозных понятий и реалий, однако все, что ею рассматривается, так или иначе рассматривается именно в этом аксиологическом ракурсе. Названная стратегия логично вытекает из базовых представлений автора двухтомника о соотношении эстетики и религии. В искусстве, по словам И. Роднянской, «вера — это источник света, по-новому группирующий детали на художественном полотне... а не выход за пределы этого полотна в область чудес и поучений» (с. 366). Решительно отвергая соблазн выбора «пути наименьшего сопротивления», она убежденно заявляет: «...сейчас плыть по течению значит подменить литературное дело недавно разрешенной религиозной... проповедью, привычно оправдывая понижение творческой воли полезным результатом» (с. 457).

Подводя итог сказанному, хочется особо указать на то, что аналитическая мысль И. Б. Роднянской — на редкость нюансированная, гибкая, избегающая поверхностных схем, легких антитез, чересчур упрощенных решений — вызывает ощутимые ассоциации с мыслительной стилистикой глубоко почитаемого ею С. С. Аверинцева — в частности, нельзя не отметить характерно аверинцевские черты исследовательского «почерка» автора рецензируемого сборника: «негромкий», спокойный тон, неторопливые, непринужденно-естественные интонации, умение доверчиво и проникательно (без суетной предвзятости) смотреть в лицо интерпретируемому явлению, осторожную взвешенность оценок, обстоятельность дефиниций, строгую архитектурность мышления (никогда не переходящую в занудный педантизм) и безошибочный литературный слух.

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы настаивать на беспорности всех высказанных И. Роднянской суждений (довольно дискуссионными, например, представляются ее оценки творчества А. Д. Синявского и, особенно, О. А. Седаковой), но даже там, где с ней хочется спорить, нельзя не признать логичности и продуманности выдвигаемых ею аргументов.

Если воспользоваться емкой формулой, примененной автором двухтомника к поэтическому наследию Н. Заболоцкого³, то с полным правом можно сказать, что рецензируемое издание И. Б. Роднянской — это «единый текст», впечатляющий своей внутренней связностью и смысловой органикой целого.

О. Н. Скларов
(ПСТГУ)

³ См. заглавие последней статьи первой части сборника (т. 1, с. 361).